

НЕ ВТОРАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АЛИНА МЕЛЬНИКОВА

18+

Алина Мельникова

Не вторая

<https://litres.ru/74077398>

SelfPub; 2026

Аннотация

В это поле нужна аннотация. Вставьте:

Тридцатилетняя Арина Лаврова умеет спасти репутацию дорогих отелей, умирять влиятельных гостей и находить выход там, где другие видят катастрофу. Но однажды самым опасным испытанием становится её собственное сердце.

Елисей Воронцов — сорокапятилетний владелец гостиничного бизнеса, сильный и непоколебимый мужчина, за внешней уверенностью которого скрывается многолетнее одиночество. Он женат, а значит, их чувство не имеет права на существование. Однако рядом с Ариной Елисей впервые понимает, каково это — быть любимым, уважаемым и по-настоящему счастливым.

На фоне ночного Сочи, гостиничных интриг, больших денег и чужих тайн Арина должна решить: согласиться на роль второй женщины или доказать, что настоящая любовь не ставит в очередь.

История о страсти, взрослом выборе и женщине, которая перестала быть второй — потому что стала единственной.

Содержание

Глава 1. Номер, которого нет	4
Глава 2. Три минуты до скандала	12
Глава 3. Человек, которому звонят ночью	19
Глава 4. Паспорт в сейфе	26
Глава 5. Гостья без имени	30
Глава 6. Сыновья	34
Глава 7. Его жена	39
Глава 8. Мужчина, которого не хвалили	45
Глава 9. Большой дом	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Алина Мельникова

Не вторая

Глава 1. Номер, которого нет

В ту ночь в четыреста двенадцатом умер не человек.

Умерла наша безупречная репутация — и у меня было ровно семь минут, чтобы её воскресить.

— Гость требует полицию, — сказала Соня, догоняя меня у служебного лифта. — И жену. В смысле, свою. Хотя я бы на его месте выбирала что-то одно.

Она протянула мне планшет. На экране дрожало лицо ночного администратора, а за ним метался мужчина в распахнутом белом халате. Из тех мужчин, чьё имя произносят вместе с должностью, даже если он стоит босиком.

Глеб Сергеевич Нестеров. Девелопер, депутат краевого собрания, постоянный гость. В отель он заселился с женой. В номер поднялся с другой женщиной. А через сорок минут обнаружил, что из сейфа исчезли часы стоимостью с однокомнатную квартиру в Сочи — не у моря, конечно. У моря за такие деньги можно было купить только надежду.

— Камеры? — спросила я.

— Уже смотрят.

— Кто имеет доступ?

— Начальник смены, безопасник и... — Соня покосилась на меня. — Ты.

Двери лифта разошлись. В зеркальной стене я увидела тридцатилетнюю женщину, которая выглядела так, будто родилась в тёмно-синем костюме и никогда не снимала бейдж. Тёмно-русые волосы вились у лица и ложились кудрявым каре до подбородка. Загорелая кожа, ясные голубые глаза, белые зубы — внешность девушки, которой легко было бы жить улыбкой, если бы она не привыкла жить умом. Спина прямая. Только красная полоска на запястье выдавала, как сильно я сжимала резинку для волос по дороге.

— Жена где?

— В спа-корпусе. Массаж до полуночи. Если повезёт, ещё ничего не знает.

— Нам никогда не везёт, Соня. Мы просто быстро работаем.

На четвёртом этаже пахло лилиями и озоном после уборки. Ковёр глушил шаги, но не голос Нестерова.

— Я закрою эту богадельню! Вы понимаете, кто я?

Этот вопрос богатые люди задавали чаще, чем называли фамилию. Как будто боялись, что без постоянного подтверждения перестанут существовать.

У двери номера стояли начальник охраны Руденко и бледная администратор Лена. Девушка в серебристом платье сидела в кресле у окна, обхватив себя руками. Ей было лет двадцать пять. Макияж потёк, одна босоножка лежала возле

кровати, вторая — у мини-бара.

Никто не умер. Уже хорошо.

Пока.

— Глеб Сергеевич, меня зовут Арина Лаврова, я представляю владельца отеля. С этого момента вопрос веду я.

— А владелец где?

— В дороге.

Я соврала спокойно. Елисей Воронцов был дома, в Хосте, и, вероятно, спал рядом с женой. Но гостю нужен был не факт, а иерархия. Я дала ему понять: выше меня сейчас только человек, которого будить не будут.

— У меня украли часы, — Нестеров ткнул пальцем в сторону открытого сейфа. — Здесь была женщина. Я требую вызвать полицию и показать записи.

Девушка у окна вскинула голову.

— Я ничего не брала.

— Помолчи, Кристина.

Она сжалась. Я слишком хорошо знала это движение: стать меньше, чтобы чужой гнев прошёл над головой.

— Полицию мы вызовем по вашему первому требованию, — сказала я. — Но тогда в протокол попадут все обстоятельства. Время входа, выхода, личности гостей, записи коридора. Копии получают участники проверки.

Он посмотрел на меня уже внимательнее.

— Вы мне угрожаете?

— Я перечисляю процедуру.

За моей спиной тихо выдохнула Соня.

Нестеров подошёл ближе. От него пахло виски, дорогим гелем для душа и паникой.

— У вас семь минут, — сказал он. — Потом я звоню куда следует.

— Мне хватит пяти.

Это была вторая ложь за вечер.

В комнате охраны пять мониторов показывали разные версии спокойствия. Пустой холл, лифты, парковка под белыми фонарями, коридоры, где люди шли к своим тайнам, не зная, что тайны записываются в разрешении 4К.

Руденко открыл нужный фрагмент.

23:07. Нестеров и девушка входят в номер.

23:19. В коридоре появляется официант с тележкой. Стучит. Дверь открывается. Тележка въезжает.

23:26. Официант выходит.

23:41. Из служебной двери напротив появляется горничная.

— Стоп, — сказала я.

Картинка замерла. Горничная стояла боком, лица не видно. На форме — белая полоса плеча.

— У нас ночная уборка в серой форме.

— Эта не наша, — подтвердил Руденко.

— Увеличь.

На руке женщины блеснул браслет. Она постучала в четверста десятый, подождала, потом повернулась к камере.

Лицо было знакомым.

Кристина.

Та же девушка, которая сейчас сидела в номере. Только на записи она была в форме горничной, а спустя двадцать минут вошла к Нестерову уже через лифт — в серебрястом платье.

— Запись за час до этого, — попросила я.

Руденко мотнул головой.

— Фрагмент удалён.

— Кем?

Он помолчал.

— Учётной записью владельца.

В комнате стало слышно, как гудит сервер.

У Елисея был доступ ко всем камерам. Формально — для контроля безопасности. Фактически он почти никогда им не пользовался. Кроме него, пароль знала я.

Точнее, я была уверена, что только я.

Телефон завибрировал в кармане. На экране высветилось:
Елисей Андреевич.

Я ответила не сразу.

— Да.

— Арина, — его голос был низким и совершенно бодрым.
— Не показывай Нестерову запись.

Ни приветствия. Ни вопроса, что случилось.

Он уже знал.

— Почему?

За стеклом поста охраны Соня смотрела на меня. Руденко притворялся, что занят панелью.

— Потому что часы не крали.

— Сейф пуст.

— Они у меня.

Я закрыла глаза.

— Объясните.

— Не по телефону. Спустишь на минус второй.

Связь оборвалась.

Подземная парковка встретила меня запахом мокрого бетона. Шёл июнь, но в Сочи влажность не зависела от календаря. Она проникала под одежду, в волосы, в решения.

Чёрный внедорожник Елисея стоял у технического въезда с выключенными фарами. Он вышел, когда я приблизилась.

Без пиджака, в белой рубашке с закатанными рукавами. Елисею было сорок пять. Самоуверенный, сильный, собранный — настоящий тигр и в бизнесе, и в жизни. Одного его взгляда хватало, чтобы взрослые мужчины переставали спорить о цене. Но позже я узнаю другое: под этой силой жил человек, которому отчаянно не хватало простого женского тепла. Тигр, внутри которого прятался домашний кот, так и не дождавшийся ласки. На часах — почти полночь. На лице — ни следа сна.

— Вы были здесь, — сказала я.

— Был.

— Под вашей учётной записью удалили запись.

— Я удалил.

Он всегда отвечал именно на тот вопрос, который ему задавали. Это создавало иллюзию честности. Позже я пойму, что искусство Елисея состояло не во лжи. Он просто оставался за пределами ответа всё, что могло изменить мой выбор.

— Зачем вам часы Нестерова?

Елисей протянул маленький бархатный футляр.

— Он проиграл их мне в карты час назад. Потом решил, что проще устроить кражу, чем объяснить жене.

Я смотрела на футляр.

— А девушка?

— Не имеет отношения к часам.

— Она переодевалась в нашу форму.

В его лице что-то изменилось. Не удивление — расчёт.

— Значит, имеет отношение к чему-то другому.

— Елисей Андреевич, это уже не просьба скрыть частную игру. У нас посторонний человек ходит по служебным помещениям. Кто дал ей форму? Кто удалил первый фрагмент? Почему вы вообще смотрели камеры?

Он приблизился. Не угрожающе. Елисею не нужно было угрожать — пространство само уступало ему место.

— Вот поэтому я позвонил тебе.

— Потому что я знаю процедуры?

— Потому что ты единственная не боишься задать мне вопрос, когда все остальные уже придумали удобный ответ.

Это не было признанием. Даже комплиментом не было.

Но что-то внутри меня отозвалось — тихо и позорно.

Быть единственной.

Самые опасные слова редко звучат как «я тебя люблю».

Иногда они звучат как «только ты можешь мне помочь».

Он вложил футляр мне в ладонь и накрыл её пальцами.

— Реши это, Арина.

— Как?

— Как сочтёшь правильным.

Его рука оставалась на моей на секунду дольше, чем требовалось.

И этой секунды хватило, чтобы моя жизнь начала делиться на «до» и «после», хотя тогда мне казалось, что я просто спасаю чужую ночь.

Глава 2. Три минуты до скандала

Я вернула Нестерову часы и отдала ему ложь, которую он мог унести домой.

— Сейф не был закрыт до конца, — сказала я. — Механизм заблокировал внутреннюю панель, футляр сместился за декоративную стенку. Наш инженер нашёл его при осмотре.

Он понял, что я лгу. Я поняла, что он понял. В гостиничном бизнесе лучшие решения часто держались не на правде, а на том, что всем сторонам было выгодно считать правдой.

Нестеров защёлкнул часы на запястье.

— Записи?

— Не понадобились.

— А девица?

Кристина стояла у окна, теперь уже в обеих босоножках. Я успела отвести её в ванную и тихо объяснить: если она взяла форму, чтобы проникнуть в закрытый номер, отель вызовет полицию. Если форму ей дали, она назовёт имя. Девушка расплакалась и призналась, что искала телефон, который Нестеров отобрал у неё днём. В четырёхста десятом жил его помощник. Форму принёс официант за пять тысяч рублей.

Телефон мы нашли в сейфе помощника. Там же лежал её паспорт.

Эту часть истории Нестерову я рассказала без украшений.

Он застыл.

— Она врёт.

— Паспорт уже у неё. Копия записи сохранена в защищённом архиве.

Это была моя маленькая самодеятельность. Елисей просил не показывать запись. Не показывать и не сохранять — разные глаголы.

— Вы хотите денег? — спросил Нестеров.

— Я хочу, чтобы вы покинули отель до десяти утра и больше не бронировали номера в нашей сети.

Соня медленно повернула голову ко мне.

Нестеров рассмеялся. Нехорошо, отрывисто.

— Девочка, ты хоть понимаешь, сколько денег я здесь оставляю?

Я понимала. В моих таблицах были все его ужины, трансферы, виллы, чаевые, разбитые бокалы и молчание персонала. За прошлый год — восемь миллионов двести сорок тысяч рублей.

Ещё я понимала, что паспорт женщины нельзя считать частью гостиничного депозита.

— Понимаю.

— И Воронцов это одобрил?

Вот тут у меня было три секунды до скандала.

Я могла позвонить Елисею. Переложить решение наверх. Остаться безупречной ассистенткой, которая никогда не превышает полномочий.

Или стать той женщиной, которой он только что сказал: «Как сочтёшь правильным».

— Это решение отеля, — ответила я.

Нестеров ушёл в девять сорок. Его жена спустилась к машине отдельно, в тёмных очках. Кристину мы вывели через служебный вход и посадили в такси. Перед тем как закрыть дверь, она спросила:

— Вам не страшно?

— Что именно?

— Так разговаривать с такими людьми.

Я хотела сказать, что страшно. Вместо этого протянула ей визитку кризисного центра, которую принесла Соня.

— Страшно обычно до первой фразы. Потом приходится договаривать.

Когда машина уехала, Соня закурила прямо под табличкой «Курение запрещено».

— Нас уволят, — сказала она.

— Тебя не за что.

— Какая трогательная готовность умереть одной. Думаешь, тебе памятник поставят у шведского стола?

— Можно рядом с ометной станцией. Там хорошее освещение.

Она не улыбнулась.

— Арин, ты заблокировала гостя из списка верхнего приоритета без согласования с собственником.

— Собственник сказал решить.

— Мужчина говорит «реши», а потом очень удивляется, что решение имеет последствия. Это вообще их национальная традиция.

Я отобрала у неё сигарету и затушила.

— Иди домой.

— А ты?

— Подготовлю отчёт.

На самом деле отчёт был готов через двадцать минут. Домой я не уходила по другой причине.

Елисей попросил ждать.

В семь утра отель менял кожу. Ночные гости возвращались с набережной, повара выкатывали тележки с выпечкой, уборщики полировали мрамор, словно ничего грязного никогда не происходило. За панорамными окнами море было серым. Оно лежало ровно и тяжело, без рекламной синевы.

Я сидела в пустом лобби-баре и пила третий эспрессо, когда Елисей занял кресло напротив.

Теперь он был в пиджаке. От него пахло ветивером и свежестью, доступной людям, у которых даже бессонница выглядит дорого.

— Ты запретила Нестерову появляться в наших отелях.

Не вопрос.

— Да.

— Он участвует в согласовании земли под «Лазурный берег».

Я почувствовала, как кофе становится кислым.

«Лазурный берег» был пятым объектом сети, стройкой на двести сорок номеров и самым дорогим проектом Елисея. Полтора года переговоров. Кредиты. Партнёры. Земля, из-за которой он почти не бывал дома.

— Вы сказали решить так, как я сочту правильным.

— И ты решила.

Он молчал, разглядывая меня. Я не отвела взгляд, хотя внутри уже составляла заявление об увольнении.

— Паспорт был в сейфе его помощника, — сказала я. — Это незаконное удержание документов. Если Кристина обратится в полицию, у нас останется доказательство, что мы отреагировали. Если бы мы покрыли Нестерова, он получил бы не лояльный отель, а рычаг против вас.

— Продолжай.

— Его участие в согласовании и раньше было конфликтом интересов. Значит, решение по земле должно выдерживать проверку без личной договорённости. Иначе это не актив, а мина.

— Ты закончила?

— Нет. Вы не имели права удалять запись.

Он чуть приподнял бровь.

— Вот теперь закончила.

Елисей откинулся в кресле. Несколько секунд я слышала только кофемолку за баром.

— Нестерова разблокировать, — сказал он. — Но бронирования принимать только через мой офис. Руденко прове-

сти внутреннюю проверку доступа. Официанта отстранить до выяснения обстоятельств, не увольнять. Запись сохранить у юриста.

Я кивнула.

— Хорошо.

— И ещё.

Вот оно.

— С понедельника ты больше не ассистент операционного директора.

Я положила ладони на колени, чтобы он не увидел, как напряглись пальцы.

— Понимаю.

— Нет, — сказал Елисей. — Не понимаешь. С понедельника ты работаешь напрямую со мной.

— В каком качестве?

— Исполнительный ассистент владельца группы. Доступ ко всем объектам, совещаниям и финансовой отчётности. Зарплата вдвое выше нынешней. Машина с водителем, когда потребуется.

Я смотрела на него и чувствовала не радость.

Опасное, обжигающее облегчение.

Он не наказал меня. Он приблизил.

— Почему я?

— Ты только что объяснила человеку, от которого зависит мой проект, что деньги не дают ему права запираить чужой паспорт. А потом объяснила мне, что я не имею права уда-

лять собственные записи.

Уголок его рта дрогнул.

— Мне давно нужен кто-то, кто боится последствий меньше, чем меня.

Я должна была спросить про обязанности, испытательный срок, границы полномочий. Вместо этого спросила:

— Ваша жена знает, что вы были ночью в отеле?

Вопрос вырвался прежде, чем я успела остановиться.

Елисей перестал улыбаться.

— Нет.

— Значит, Нестеров не единственный, кому придётся объяснять часы.

Он посмотрел на свои запястья, будто только сейчас заметил отсутствие тех самых часов.

— Лидия давно не спрашивает, где я провожу ночи.

Сказано было ровно. Но именно эта ровность заставила меня представить большой тихий дом, женщину, которая спит или делает вид, что спит, пустую половину кровати.

Мне стало жаль его.

С этого всё и началось по-настоящему.

Не с желания.

С жалости, переодетой в понимание.

Глава 3. Человек, которому звонят ночью

Через месяц я знала о Елисее больше, чем следовало знать о начальнике, и меньше, чем необходимо знать о мужчине, в которого начинаешь влюбляться.

Я знала, что он не ест помидоры, но терпеть не может, когда их заранее убирают из тарелки: это напоминает ему о заботе, которой он не просил.

Знала, что перед тяжёлыми переговорами он расстёгивает верхнюю пуговицу рубашки, а после удачных — забывает застегнуть.

Что он хранит наличные не в сейфе, а в старом путеводителе по Абхазии. Что боится летать, но никогда не пьёт в самолёте. Что каждую среду в восемь вечера у него в календаре стоит «бассейн», хотя на самом деле он ездит к отцу после инсульта.

Я знала PIN-коды его корпоративных карт, номер паспорта и таблетки, которые надо заказывать из Германии.

Не знала только одного: счастлив ли он.

Этот вопрос не входил в мои обязанности, поэтому занимал меня больше остальных.

Работа рядом с Елисеем быстро перестала быть работой в привычном смысле. Она стала климатом. Я просыпалась в

нём, дышала им, проверяла его сообщения раньше, чем прогноз погоды.

06:12. Перенеси юристов на девять.

13:40. Узнай, почему в «Морском» пахнет канализацией на шестом этаже.

23:18. Ты не спишь?

Последнее сообщение всегда было самым опасным.

Сначала после него шла работа. Найти водителя. Поднять договор. Успокоить инвестора из Москвы, который прилетел без предупреждения и требовал президентский люкс в полностью проданном отеле.

Потом появились паузы.

Ты не спишь?

Нет.

Почему?

Я могла ответить: потому что вы пишете. Никогда не отвечала.

Вместо этого отправляла фотографию ноутбука, чашки, дождя на окне. Он — тёмного моря с террасы, руля в пробке, пустого стола в ресторане.

Мы делились одиночеством, не называя его одиночеством.

Соня называла это иначе.

— Бесплатная эмоциональная проституция, — сказала она, когда мы обедали в служебной столовой.

— Можно тише?

— Можно дороже. Ты теперь получаешь вдвое больше.
Я бросила салфетку на поднос.

— Он мой начальник.

— Именно. Если бы это был свободный бариста, который шлёт тебе море в полночь, я бы заказала вам свадебный торт. А этот женат, владеет твоим графиком и может превратить вторник в производственную необходимость одним сообщением.

— Между нами ничего нет.

— Пока. Но ты уже защищаешь не факт, а намерение.

Я встала.

— У меня встреча.

— У тебя всегда встреча, когда правда приходит без записи.

Я ушла, злясь на неё за точность.

В тот вечер над Сочи разразился ливень. Не дождь — вертикальное море. Ливнёвки захлебнулись, движение на Курортном проспекте встало, вода залила нижний уровень парковки «Морского».

К двум часам ночи мы эвакуировали двенадцать машин, переселили гостей с первого этажа и расставили сотрудников с полотенцами вдоль стеклянных дверей, будто хлопок мог остановить стихию.

Елисей приехал сам. Вошёл через служебный коридор мокрый до нитки, снял пиджак и начал таскать коробки с документами из нижнего офиса.

Это было неразумно, показательно и совершенно на него не похоже.

— Арина, наверх, — приказал он, когда увидел меня по колено в воде возле архива.

— Здесь договоры за три года.

— Я сказал — наверх.

— А я сказала Руденко отключить питание в секторе Б, но он ждёт вашего подтверждения. Поэтому подтвердите и перестаньте изображать МЧС.

Елисей посмотрел на меня так, что двое грузчиков рядом внезапно нашли интересным потолок.

— Подтверждаю, — сказал он.

Через сорок минут вода перестала прибывать. В четыре утра мы сидели на полу прачечной. Здесь было сухо, жарко и пахло порошком. На мне была форма горничной — мою одежду унесли сушить. Елисей остался в брюках и белой майке, которую кто-то нашёл на складе забытых вещей.

Без рубашки, часов и привычной дистанции он выглядел моложе. И опаснее.

Я протянула ему бумажный стаканчик.

— Чай. Кофе закончился.

— Уволить закупщика.

— Уже. Казнить утром.

Он усмехнулся и отпил.

За стеной вращались промышленные барабаны. Их ровный гул отделял нас от остального отеля.

— Почему ты не уехала? — спросил Елисей.

— Я работаю здесь.

— Соня отпустила офисный персонал в одиннадцать.

— Вы тоже могли не приезжать.

— Это мои отели.

— Вот вам и ответ.

Он повернулся ко мне.

— Нет, Арина. Это не твои отели.

Фраза должна была поставить меня на место. Почему-то прозвучала почти сердито — словно его раздражало, что я отдала чужому делу больше, чем обязана.

— Знаю.

— Тогда почему?

Я смотрела на мокрые пряди у него на лбу.

Потому что вы здесь.

Потому что, когда вам звонят ночью, вы отвечаете. Потому что я хочу быть человеком, которому звоните ночью вы.

— Не люблю бросать незаконченные дела.

— Людей тоже?

Я замерла.

— Что?

— Ты всех спасаешь. Гостей, сотрудников, девочек, которых видишь первый раз. Меня от моих решений.

— Вас никто не просил удалять запись.

— Вот. Опять.

Он поставил стакан на пол.

— Кто спасает тебя?

Я рассмеялась. Тише, чем хотела.

— У меня нет такой статьи расходов.

Елисей не улыбнулся. Поднял руку и коснулся моего запястья — там, где ещё оставалась красная полоска от резинки. За месяц она стала почти постоянной.

— Ты делаешь себе больно, когда нервничаешь.

Его большой палец прошёл по коже. Медленно. Будто он имел право изучать след.

Я перестала слышать сушильные машины.

— Не делай так, — сказал он.

Я не поняла, о чём он. О резинке. О боли. О том, как я смотрю на него.

— Как?

Он отпустил мою руку.

— Домой тебя отвезёт водитель.

Встал и вышел, не допив чай.

На следующий день он не написал ни разу.

И впервые я поняла, насколько привыкла существовать в поле его внимания.

К вечеру молчание превратилось в физическую тяжесть. Я проверяла телефон на совещании, в лифте, в туалете. Ненавидела себя за это и всё равно проверяла.

В двадцать три сорок экран наконец загорелся.

Ты не спишь?

Я смотрела на три слова целую минуту.

Потом выключила телефон.

Через десять секунд он позвонил.

Глава 4. Паспорт в сейфе

История с Кристиной не закончилась вместе с ночной сменой.

Через три дня она появилась в отеле снова — в джинсах, дешёвых кедах и огромных тёмных очках. В руках держала пакет из аптеки, будто пришла не к нам, а домой к больному человеку.

— Мне нужна Арина, — сказала она администратору.

Я увидела её на камере из кабинета Елисея. После той ночи он распорядился вывести на мой монитор коридоры всех четырёх отелей. Власть начиналась не с кабинета и зарплаты. Она начиналась с возможности смотреть туда, где другие не знали о твоём присутствии.

— Зачем ты пришла? — спросила я, когда мы сели в маленькой переговорной возле кухни.

Кристина сняла очки. Под левым глазом желтел синяк.

— Телефон у меня. Паспорт тоже. Но там видео.

— Какое?

Она положила на стол флешку.

— С вечеринки Нестерова. Девушки, кокаин, люди из администрации. Меня снимали без разрешения. Я нашла копию в телефоне его помощника.

Я не коснулась флешки.

— Почему принесла сюда?

— Потому что вы единственная тогда со мной разговаривали. Остальные разговаривали с ним.

В дверь постучали. Елисей вошёл, не дожидаясь ответа. Его взгляд сначала упал на синяк, потом на флешку.

— Оставь нас, — сказал он мне.

— Нет.

Кристина быстро посмотрела с него на меня.

Елисей прикрыл дверь.

— Арина, это разговор службы безопасности.

— Она пришла ко мне.

— И теперь я беру вопрос на себя.

— Вот именно этого она боится. Что мужчина с властью снова возьмёт её вопрос на себя.

На скулах Елисея проступили желваки. Он не любил, когда ему возражали при посторонних. Особенно если посторонние были слабее его и могли заметить, что он не всемогущ.

— Хорошо, — сказал он. — Говори.

Кристина рассказала всё. Нестеров познакомился с ней в закрытом клубе, обещал работу в рекламном агентстве. Потом стал забирать телефон, проверять переписку, однажды запер в гостиничном номере. Его помощник хранил паспорта ещё двух девушек.

— В полицию обращалась? — спросил Елисей.

Она усмехнулась.

— К его друзьям?

— На флешке доказательства преступления, — сказала я.

— Её нужно передать адвокату и сделать копии.

— Ничего копировать не будем, — отрезал Елисей. —

Чем больше копий, тем больше риск для неё.

— Или для вашего проекта?

Он посмотрел на меня. Я снова ударила туда, где болело:

Нестеров контролировал согласование земли.

— Выйдем, — сказал Елисей.

В коридоре гремели тележки с посудой. За стеной повара спорили из-за заготовок. Обычная жизнь отеля шла в полуметре от чужого страха.

— Ты не понимаешь, во что лезешь, — тихо сказал он.

— Тогда объясните.

— Если информация уйдёт сейчас, Нестеров уничтожит оригиналы и купит тех, кому Кристина пожалуется. Ей станет только хуже.

— А если мы промолчим?

— Я найду человека в Москве. Не местного. Вывезем её из Сочи, обеспечим адвоката, соберём свидетельства других девушек. Это займёт время.

— Сколько?

— Столько, сколько понадобится.

— Она не ваш проект.

— А ты перестань думать, что один правильный поступок обязательно спасает человека.

Я хотела возразить, но он был прав. Это раздражало силь-

нее приказа.

Мы вернулись в переговорную вместе. Елисей не сел во главе стола. Занял стул сбоку и объяснил Кристине план. Без обещаний, что всё будет легко. Без требования отдать флешку. В конце протянул визитку московского адвоката.

— Решать тебе, — сказал он.

Кристина забрала визитку и ушла, оставив флешку на столе.

— Почему она доверилась? — спросила я.

— Не мне. Тебе.

— А вы доверяете?

Елисей взял флешку двумя пальцами.

— Я доверяю тому, как ты смотришь на людей, которых остальные уже посчитали расходом.

Через неделю Кристина уехала в Москву. Ещё через месяц следователи из столицы начали проверку. Земля под «Лазурный» внезапно зависла в согласованиях.

Елисей потерял несколько миллионов.

Он ни разу меня не упрекнул.

И я сделала опасный вывод: если мужчина платит за твоё решение, значит, он любит тебя.

Тогда между нами ещё ничего не было.

Но я уже начала записывать его поступки на счёт будущего чувства.

Глава 5. Гостья без имени

В августе в президентский люкс заселилась женщина под фамилией Соколова. Она приехала без багажа, в шёлковом платье и с ребёнком лет шести, который всё время держал её за руку.

Бронирование оплатили наличными за месяц вперёд.

— Муж сбежал от неё или она от мужа, — определила Соня. — Ставлю пять тысяч на второе.

— Ты не можешь делать ставки на гостей.

— Поэтому я всегда проигрываю бесплатно.

На третий день к отелю подъехали две машины с московскими номерами. Из первой вышел мужчина в футболке поло, из второй — охрана. Соколова увидела их через стекло ресторана, побледнела и закрылась с ребёнком в туалете.

Мужчина потребовал ключ.

— Я её супруг, — сказал он, бросая на стойку паспорт. — И отец ребёнка.

— Это не даёт права входить в номер без согласия гостыи, — ответила я.

— Девушка, вы вообще понимаете, с кем разговариваете? Снова этот вопрос. Как будто власть передавалась воздушно-капельным путём.

Елисей спустился в лобби через пять минут. Мужчины узнали друг друга.

— Воронцов, не лезь в семью, — сказал гость.

— Моя сотрудница уже ответила.

— Твоя сотрудница сейчас лишит тебя корпоративного контракта на двадцать миллионов.

Елисей посмотрел на меня.

Это был тот самый миг, когда руководитель мог отменить решение подчинённого одним спокойным предложением. Я ждала. Мужчина у стойки тоже.

— Тогда пришлите расторжение письмом, — сказал Елисей. — Мы передадим юристам.

Соколова с ребёнком покинула отель через кухню. Соня посадила их в машину поставщика рыбы, и до вокзала они ехали между ящиками со льдом. Это было одновременно нелепо и страшно.

Мужчина расторг договор.

Вечером финансовый директор кричал на совещании:

— У нас стройка заморожена, Нестеров давит, теперь мы теряем корпоративный блок! Может, хватит превращать отель в приют?

— Выйдите, — сказал Елисей.

— Что?

— Из моего кабинета. Пока я не решил, что из компании тоже.

Когда дверь закрылась, мы остались вдвоём.

— Он прав, — сказала я.

— Неожиданно.

— Бизнес не может каждый раз платить за мою потребность спасать людей.

— Это не только твоя потребность.

— Вы сделали это из-за меня.

Елисей подошёл к окну. Внизу зажигались фонари у бассейна, официанты расставляли свечи, море темнело. Гости видели дорогой покой. Мы знали его себестоимость.

— Мой отец бил мать, — сказал он. — Не часто. Он вообще всё плохое делал достаточно редко, чтобы после можно было притвориться семьёй. Однажды она закрылась со мной в ванной. Мне было семь. Я обещал, что, когда вырасту, куплю ей гостиницу. Там будет тысяча комнат, и в каждой можно запереться.

Я впервые слышала, чтобы он говорил о детстве.

— Купили?

— Первый отель появился через два года после её смерти. Он усмехнулся без улыбки.

— Так что приют из него начал делать не ты.

Мне хотелось коснуться его. Не как начальника, не как мужчину — как того семилетнего мальчика по другую сторону ванной двери.

Я не сделала этого.

Елисей сам взял меня за руку.

— Иногда ты смотришь так, будто видишь меня насквозь.

— И что там?

— Боюсь спрашивать.

Телефон в его кармане зазвонил. На экране высветилось «Лидия».

Он отпустил мою руку и ответил:

— Да, я скоро буду.

Домой он уехал к жене.

А я ещё долго стояла у окна и думала о мальчике в запертой ванной, которого почему-то должна была спасти именно я.

Глава 6. Сыновья

Кирилл Воронцов вернулся с университетской конференции без предупреждения и начал с того, что нашёл ошибку в финансовой модели «Лазурного».

— Он курил возле машины, — объяснила она, входя в кабинет отца. — От одежды воняет. Найди другого.

Ему было двадцать. Высокий, светловолосый, в простой футболке и кроссовках. Кирилл поступил в университет в пятнадцать, к двадцати защитил две научные работы по прикладной математике и разговаривал со взрослыми без желания им понравиться. В семье слово «вундеркинд» не произносили: Лидия считала, что похвала портит детей так же, как мужчин.

— Это мой водитель, — сказала я.

Кирилл обернулся.

— А вы кто?

— Арина Лаврова, исполнительный ассистент вашего отца.

— Новая?

Одно слово, но я услышала второе значение.

Новая женщина.

— Три года в компании.

— Рад знакомству, — ответил он без намёка и протянул руку.

Следом появился Матвей — семнадцатилетний одиннадцатиклассник. Не вундеркинд, не будущая знаменитость, просто внимательный и умный парень, который умел замечать настроение людей раньше, чем они начинали говорить.

Она улыбнулась и прошла к отцовскому столу.

Елисей появился через минуту. Увидев сыновей, он действительно обрадовался — лицо стало открытым, почти беззащитным. Кирилл позволил себя обнять, Матвей обнял отца сам.

— У тебя квартира в Хосте, — сказал он.

— Там мама.

— Именно.

— Я не для того прилетела из Праги, чтобы слушать, как вы молчите за завтраком.

Она увидела, как Елисей посмотрел на меня, и прищурилась.

— Пусть ваша ассистентка поселит меня здесь.

Сыновья не испытывали персонал и не требовали особого отношения. Кирилл почти не выходил из номера, работая над моделью, Матвей готовился к экзаменам у бассейна. Они не задавали вопросов о браке родителей и никогда не обсуждали личную жизнь отца.

Он не отменил ни одного моего решения.

На четвёртую ночь Соня позвонила в два часа:

— Наследница исчезла.

Камеры показали, как Кирилл покинул отель с компанией

студентов в красной машине. Телефон разрядился. Матвей спокойно нашёл профиль водителя и адрес вечеринки раньше службы безопасности.

Елисей приехал через десять минут. Без пиджака, с лицом человека, у которого отняли воздух.

— Найдите её.

Служба безопасности обзванивала клубы. Я просмотрела записи за два дня и заметила красную машину у служебного входа ещё вчера. Номер отражался в стекле двери. Мы восстановили его и нашли владельца — сына строительного подрядчика, недавно проигравшего тендер Елисею.

Кирилл обнаружили на закрытой даче в Мацесте. Вечеринка, алкоголь, телефоны гостей собраны в сейф. Когда мы приехали, он спорил с охраной, не желавшей выпускать гостей.

Елисей бросился к ней.

— Ты цела?

— Всё нормально.

— Я убью его.

— Папа, прекрати.

Молодой человек вышел на крыльцо.

— Она сама приехала.

Елисей ударил организатора прежде, чем охранник успел встать между ними. Кирилл потребовал прекратить, но не стал обсуждать с отцом его характер. Кто-то поднял телефон и начал снимать.

Я схватила Елисея за руку.

— Хватит.

Он дёрнулся, не узнавая меня.

— Отойди.

— Здесь камеры. Кирилл в безопасности. Ещё один удар

— и завтра видео будет у каждого журналиста.

— Мне плевать.

— А ей нет.

Эти слова остановили его.

Обратно Кирилл ехал с братом. Они отказались обсуждать с нами отношения родителей: это была не их территория.

— Он всегда такой? — спросила она.

— Какой?

— Думает, что любовь даёт право решать за всех.

Я посмотрела на братьев. В темноте Матвей казался младше, а Кирилл — намного старше своих двадцати.

— Он испугался.

— И поэтому ударил человека. Очень романтично.

— Нет. Страх не оправдание.

Кирилл прислонился к стеклу.

— Мы не вмешиваемся в жизнь отца, — сказал Кирилл, заметив мой взгляд. — И не позволяем взрослым втягивать нас в неё.

Матвей кивнул. В этой границе братья были едины.

На следующий день Кирилл вернулся в университет, а

Матвей — в школу. Перед отъездом старший сын прислал мне сухое сообщение: **Ошибка в модели на странице 18. Исправленная формула во вложении.**

Елисей тоже прислал сообщение.

Только ты смогла меня остановить.

Я перечитала его несколько раз.

Тогда мне казалось, что способность остановить мужчину делает меня сильной.

Позже я пойму: гораздо важнее вовремя остановить себя.

Глава 7. Его жена

— Спишь? — спросил Елисей.

— Уже нет.

— Спустишь.

Я подошла к окну. Внизу, у подъезда, стояла его машина.

— Зачем?

— Нужно съездить в «Лазурный».

— Сейчас полночь.

— Именно поэтому.

Я должна была сказать, что рабочий день закончен. Попросить прислать задачу письмом. Напомнить, что завтра в восемь у нас планёрка.

— Пять минут, — сказала я.

В машине пахло кожей и дождём. Елисей сидел за рулём сам. Я устроилась сзади по привычке.

— Пересядь вперёд.

— Я могу работать и здесь.

— Арина.

Своё имя в его голосе я уже различала по оттенкам. Сейчас это было не распоряжение. Раздражённая просьба человека, которому отказали ещё до того, как он успел попросить.

Я пересела.

Мы выехали на пустой Курортный проспект. После дождя

асфальт отражал фонари, и город казался перевернутым: под колёсами было больше света, чем в небе.

— Что случилось в «Лазурном»?

— Ничего.

— Тогда зачем мы едем?

— Я хотел показать тебе объект без строителей.

— В полночь?

— Днём он принадлежит подрядчикам. Ночью — мне.

Он сказал это спокойно, но я услышала в словах одиночество собственника: иметь всё и нигде не быть дома.

Стройка встретила нас тишиной. Бетонный каркас будущего отеля поднимался над морем, чёрный и голый. Елисей выдал мне каску, включил фонарик на телефоне.

— Осторожно. Здесь нет ограждения.

Мы поднялись на шестой этаж. Лифт ещё не работал. На четвёртом у меня сбилось дыхание, на пятом Елисей молча взял меня под локоть. Его ладонь осталась там и после того, как лестница закончилась.

Будущий президентский люкс пока был бетонной коробкой без внешней стены. Вместо окна — ночь, море и рассыпанный по берегу Сочи.

— Здесь будет стекло от пола до потолка, — сказал Елисей. — Терраса, бассейн. Спальня там. Гостиная здесь.

Он ходил по пустоте и видел стены, мебель, свет. Я смотрела на него и видела мальчика, который строит убежище настолько большое, что его невозможно отнять.

— Красиво, — сказала я.

— Ты ничего не видишь.

— Вижу, как вам важно, чтобы увидела я.

Он остановился.

Между нами было метра три и всё, что нельзя было про-
износить.

— В прачечной ты выключила телефон.

— Я была не на работе.

— Ты злилась.

— Вы весь день молчали.

Слова сорвались слишком быстро. Елисей чуть наклонил
голову.

— Ты заметила.

В ту секунду я поняла, что это было. Не неловкость после
прикосновения. Проверка.

Он убрал внимание, чтобы увидеть, потянусь ли я следом.

И я потянулась.

Стыд обжѐг сильнее желания.

— Отвезите меня домой.

Я повернулась к лестнице. Елисей перехватил мою руку.

— Арина.

— Отпустите.

Он отпустил сразу.

Это почему-то было хуже. Если бы удержал, я могла бы
назначить его виноватым. Но он оставил решение мне — как
в ту первую ночь.

Телефон у него зазвонил. На экране, обращённом ко мне, высветилось **Лидия**.

Елисей сбросил вызов.

— Ответьте, — сказала я.

— Не сейчас.

— Она ваша жена.

— Я в курсе.

— А она в курсе, где вы?

— Ты хочешь обсудить мой брак?

— Нет. Я хочу домой.

Обратно ехали молча. У моего подъезда я потянулась к ручке, но двери остались заблокированы.

— Откройте.

— Посмотри на меня.

— Елисей Андреевич...

— Когда мы одни, не называй меня так.

Сердце ударило один раз, тяжело.

— Мы не должны быть одни.

— Возможно.

— Вы женаты.

— Я знаю.

— Тогда зачем привезли меня туда?

Он смотрел прямо. Ни жалости к себе, ни привычной усталости — только опасная ясность.

— Потому что весь месяц каждый раз, когда происходило что-то важное, я хотел рассказать тебе первой.

Вот и всё.

Не «я несчастлив». Не «мы с женой давно чужие». Не дешёвая ложь, от которой легко защититься.

Правда.

Маленькая, точная правда, вошедшая между рёбер.

— Откройте дверь.

— Скажи, что тебе всё равно.

— Это ничего не изменит.

— Значит, не всё равно.

Я ударила ладонью по кнопке, но замок не поддался.

— Выпустите меня.

Он разблокировал двери.

Я вышла, не попрощавшись, и почти добежала до подъезда. На третьем этаже поняла, что оставила сумку в машине.

Когда вернулась, внедорожник ещё стоял на месте. Елисей держал мою сумку в руке. Стекло опустилось.

— Завтра можешь не приезжать, — сказал он.

— Вы меня увольняете?

— Даю выходной.

— Мне не нужен выходной.

— Нужен.

— Не решайте за меня.

Он протянул сумку.

— Я только этим и занимаюсь, Арина. Решаю.

Утром меня разбудил звонок с незнакомого номера.

— Арина? — спросил женский голос.

— Да.

— Это Лидия Воронцова. Жена Елисея.

Я села на кровати.

— Доброе утро.

— Для кого как. Вы сегодня в отеле?

— Нет.

— Отлично. Тогда давайте выпьем кофе там, где мой муж не сможет случайно оказаться владельцем здания.

Глава 8. Мужчина, которого не хвалили

До встречи с Лидией я думала, что Елисея невозможно унижить.

Люди рядом с ним понижали голос. Мужчины постарше вставали, когда он входил. Сотрудники читали его настроение по тому, как он снимал пиджак. Даже Нестеров, угрожая, следил, не зашёл ли слишком далеко.

Лидия не следила.

На презентации «Лазурного» перед инвесторами Елисей рассказывал о новой концепции: не просто курортный отель, а место, где гость мог прожить неделю, почти не сталкиваясь с сервисом напрямую. Закрытые виллы, отдельные лифты, незаметный персонал.

Он говорил увлечённо. Без обычной сухости. Я знала, что эту идею он вынашивал два года.

— Красиво, — сказала Лидия, когда он закончил. — Особенно часть про незаметный персонал. Елисей всегда мечтал, чтобы проблемы решались людьми, которых не видно.

За столом засмеялись.

Он тоже улыбнулся. Только я увидела, как пальцы сжали пульт.

— Финансовую модель представляли фонду? — спросил

инвестор.

— Предварительно, — ответил Елисей. — После корректировки загрузки...

— То есть нет, — перебила Лидия. — Перевожу с языка моего мужа. Он опять сначала влюбился в красивую картинку, а цифры оставил взрослым.

Смех стал тише.

Финансовый директор опустил глаза. Значит, такие сцены случались раньше.

Елисей положил пульт на стол.

— Модель готова. Арина, раздайте приложение.

Я передала папки. Расчёты показывали окупаемость на семь месяцев раньше прогноза фонда.

— Взрослые всё-таки нашлись, — сказала Лидия. — Какая удача, что у тебя появилась способная ассистентка.

Она произнесла «ассистентка» так, будто речь шла о красивом аксессуаре, который заодно умеет считать.

После презентации инвесторы хвалили проект. Елисей принимал поздравления спокойно. Лидия стояла рядом, положив ладонь ему на плечо — жест жены, демонстрирующий поддержку. Но пальцы впивались в ткань пиджака.

— Ты снова выставил меня душой, — прошептала она, когда гости отошли.

— Ты сама решила выступить без цифр.

— Я спасала презентацию. Если бы твой отец не оставил тебе связи, ты до сих пор продавал бы номера по телефону.

Елисей побледнел.

— Мой отец не оставил мне ничего.

— Кроме комплекса неполноценности. Хотя нет, его ты заработал сам.

Она увидела меня и улыбнулась.

— Арина, заберите мужа. Он после критики любит час ходить с трагическим лицом. Дайте ему какую-нибудь задачу, пусть снова почувствует себя великим.

Лидия ушла к машине.

Елисей смотрел в окно. На парковке жена что-то говорила водителю, и тот смеялся.

— Она всегда так? — спросила я.

— Как?

— Унижает вас при людях.

— Лидия хорошо знает бизнес. Её замечания часто точны.

— Точность не требует жестокости.

Он повернулся.

— Не лезь в мой брак.

— Тогда не заставляйте меня смотреть, как вас ломают, и делать вид, что это семейная особенность.

Елисей ушёл. Весь день он не разговаривал со мной, кроме рабочих распоряжений.

Ночью пришло сообщение:

Она права. Без денег её отца первого отеля бы не было.

Я ответила:

Деньги построили стены. Отель построили вы.

Три точки появлялись и исчезали.

Ты правда так думаешь?

Я видела, как вы знаете имя посудомойщицы и сами вытаскиваете документы из воды. Как отказываетесь от миллионов, чтобы защитить женщину, которую не знаете. Как за ночь перестраиваете работу четырёх объектов. Да. Я правда так думаю.

Он позвонил.

— Повтори, — сказал Елисей.

— Что именно?

— Что отель построил я.

Я повторила.

На другом конце долго молчали.

— Меня никогда не хвалили, — признался он. — Отец считал похвалу способом испортить мужчину. Лидия считает, что довольный мужчина перестаёт стараться.

— А вы?

— Я уже не помню, каким бываю довольным.

— Тогда вспомните.

После этой ночи он изменился.

Сначала почти незаметно. Стал чаще улыбаться на совещаниях. Вернул проект террасы, от которого отказался после насмешки Лидии. Приезжал в отели не только на проверки, но и на завтраки с командой. Однажды включил музыку в машине и подпевал — тихо, неправильно, совершенно счастливо.

— Вы умеете петь? — спросила я.

— Нет. Но рядом с тобой почему-то не стыдно.

Он взял меня за руку на светофоре.

Тогда мы ещё не целовались.

Но Елисей уже просыпался.

Рядом с Лидией он двадцать лет учился занимать меньше места, чтобы не вызвать новую насмешку. Рядом со мной расправлял плечи, придумывал, смеялся, становился мужчиной, которым мог бы быть всегда.

Я боготворила его не за деньги и власть. За то, как он вставал посреди ночи, если в отеле была беда. За его память, упрямство, невозможную веру в собственные стены. Я видела в нём лучшее — и моё восхищение оказалось первым зеркалом, в котором он себе понравился.

Позже Лидия скажет, что я украла её мужа.

На самом деле я только показала ему человека, которого она годами заставляла ненавидеть.

Глава 9. Большой дом

Лидия любила чистоту больше, чем людей.

Это я поняла не сразу. Со стороны её дом выглядел безупречно: светлый камень, стекло без единого отпечатка, белые диваны, на которых никто не сидел, полотенца, сложенные одинаковыми прямоугольниками. В воздухе пахло лимоном и средством для дерева.

Помощница по хозяйству приходила пять дней в неделю, но Лидия всё равно ходила за ней с тряпкой.

— У неё другое представление о чистоте, — объяснил Елисей. — То есть неправильное.

Я приехала привезти документы для банка. Было воскресенье. Матвей готовился к контрольной на террасе, Кирилл сидел с ноутбуком. Лидия мыла стеклянную дверь.

— Оставьте папку на столе, — сказала она, не оборачиваясь. — Только не на краю. Елисей постоянно всё кладёт на край, потом царапины.

Он стоял рядом и держал две чашки кофе.

— Лида, я поставил подставку.

— Ты всегда ставишь подставку после того, как я напомню.

— Кофе будешь?

— Я только помыла кухню.

— Это кофе, не ремонт.

— Конечно. А капли потом сами исчезнут.

Елисей поставил чашку на поднос.

Лидия наконец повернулась ко мне.

— Этот дом невозможно содержать. Я говорила не покупать такую махину. Пятьсот метров, три этажа, бассейн, который никто не просил. Но Елисею нужно было показать всем успех.

— Ты сама выбрала проект, — тихо сказал он.

— Выбрала из того безвкусия, которое ты принёс.

Матвей поднял глаза от учебника. Кирилл продолжал печатать, будто не слышал. Сыновья выросли в этом климате и умели не вмешиваться.

— Мальчики голодные, — сказала Лидия мужу. — Закажи что-нибудь. Я не могу одновременно мыть дом и думать об ужине.

— Давай приготовлю.

Она рассмеялась.

— После твоей готовки проще снести кухню.

Елисей снова замолчал.

Позже я узнала: когда Кирилл был маленьким, Лидия почти не отходила от него. Водила по врачам, занималась развивающими программами, добилась досрочного поступления в школу. С Матвеем делала уроки, возила на кружки, знала всех учителей. Сыновей она любила деятельно и требовательно. Её любовь измерялась выученными параграфами, чистыми рубашками и правильными решениями.

На мужа сил не осталось.

Или желания.

Лидия немного помогала в первые годы бизнеса: выбирала ткани, проверяла сметы, принимала дизайнеров, когда Елисей был на стройке. Со временем эта помощь превратилась в вечный счёт.

— Без меня у тебя ничего бы не было, — говорила она при сотрудниках. — Я растила детей, следила за домом и исправляла твои ошибки, пока ты играл в отельера.

То, что он работал по шестнадцать часов, обеспечивал семью и построил сеть, в её версии не существовало.

В тот воскресный день Елисей предложил всей семье поехать к морю.

— У Матвея экзамены, у Кирилла статья, у меня гора белья, — перечислила Лидия. — Один ты свободен, как всегда.

Он посмотрел на меня. На секунду — не как начальник. Как мужчина, которому некуда деть приглашение быть рядом.

— Я заберу документы, — сказала я.

— Оставайтесь на кофе, — попросил он.

— Арина наверняка занята, — отрезала Лидия. — В отличие от некоторых.

Я уехала.

В машине увидела сообщение:

Прости.

Я ответила:

Вам не за что извиняться.

Через минуту:

Она заставляет меня чувствовать, что я мешаю в собственном доме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.